

ЦИФРОВАЯ УПРАВЛЕНЧЕСКАЯ МЕНТАЛЬНОСТЬ: ПАРТИСИПАТОРНОЕ УПРАВЛЕНИЕ vs. БИОПОЛИТИКА*

О. А. Игнатьева

Санкт-Петербургский государственный университет,
Российская Федерация, 199034, Санкт-Петербург, Университетская наб., 7–9

Понятие управленческой ментальности (governmentality) было впервые использовано французским философом-постмодернистом М. Фуко в курсе лекций, прочитанных им в Колледж де Франс в 1978–1979 гг. Фуко и его комментаторы дают многозначные трактовки данному термину, но, пожалуй, самыми точными из них являются определения управленческой ментальности как способа рационального мышления о реализации политической власти и как искусства управления. Возникновение управленческой ментальности связано с зарождением политической экономии и предполагает использование техник биополитики, понятия, которое Фуко вводит, чтобы подчеркнуть востребованность социогуманитарных знаний в дисциплинировании «политического тела». Эволюция и особенности биополитики подробно рассмотрены в данной статье применительно к каждому типу управленческой ментальности. В данной статье рассматриваются три типа управленческой ментальности (либерализм, авторитаризм, неолиберализм), введенные французским мыслителем, а также предлагается рассмотреть новый ее тип, характеризующий современный этап развития общества. Здесь мы используем концепцию управленческой ментальности как методологический инструмент для анализа нового типа государственного управления. Автор отмечает, что для цифровой управленческой ментальности характерно управление с использованием цифровых платформ. В работе дается подробное описание архитектуры одной из таких платформ, а также набора алгоритмов, которые опосредуют взаимодействие населения и представителей органов власти. Цель данной статьи — выявление сущности цифровой управленческой ментальности и ее характера. Является ли складывающаяся форма государственного управления при помощи цифровых платформ демократической и партиципаторной, или все-таки это более изощренный способ управления населением с использованием манипулятивных, биополитических стратегий? Ответ на этот вопрос мы постарались дать в нашей статье, рассмотрев как эволюцию самого термина «управленческая ментальность», так и технологические особенности цифровых платформ с их интерпретацией на основе концепции М. Фуко.

Ключевые слова: Фуко, управленческая ментальность, биополитика, рациональность, цифровая платформа.

ВВЕДЕНИЕ

Понятие политической власти изменяется и дополняется в зависимости от разных этапов эволюции общества. Теории власти модерна, основанные на идее легитимного насилия, переходят в теории постмодерна, рассматриваю-

* Работа выполнена при финансовой поддержке РФФИ и АНО ЭИСИ, грант № 20-011-31361 «Аутсорсинг политических суждений: критический анализ информационной парадигмы сетевой публичной коммуникации».

щие власть как дисциплинирующий феномен с использованием ведущих достижений в области гуманитарных и социальных наук. Начало массового использования интернета в 1990-е годы породило ряд сетевых теорий общества, которые до сих пор используются при анализе феномена цифрового общества, а также цифровизации его политической сферы. Распространение и развитие цифрового платформенного взаимодействия ставит перед социальными исследователями новые задачи, так как данный тип коммуникации предполагает вовлечение широких масс в сферу принятия и реализации политических решений. Для его интерпретации мы используем концепцию управленческой ментальности М. Фуко (M. Foucault). Объяснение этой концепции на более ранних этапах можно встретить в творчестве М. Дина (M. Dean), Т. Лемке (T. Lemke), Л. Занотти (L. Zanotti), Т. Мюррей Ли (T. Murray Li), В. Вальтерс (V. Walters), Дж. Хаар (J. Haar), П. Клаф (P. Clough) и др., на более поздних этапах применительно к цифровизации общества и большим данным — в работах М. Фливербома (Flyverbom), М. К. Мэдсена (A. K. Madsen), А. Раше (A. Rasche), М. Суто-Отеро (M. Souto-Otero), Р. Бенито-Монтагу (R. Beneito-Montagut), Л. Барри (L. Barry) и др.

Целью данной статьи является анализ генезиса концепта управленческой ментальности М. Фуко и выявление сущности складывающейся цифровой управленческой ментальности. Автор пытается разрешить дилемму: является ли складывающаяся форма государственного управления при помощи цифровых платформ демократической и партисипаторной, или все-таки это более изощренный способ управления населением с использованием манипулятивных, биополитических стратегий?

ПОНЯТИЕ УПРАВЛЕНЧЕСКАЯ МЕНТАЛЬНОСТИ

Термин *governmentality*, который в нашем переводе звучит как «управленческая ментальность», впервые был использован М. Фуко в курсе лекций «Безопасность, теория, население и рождение биополитики», прочитанном им в Колледж де Франс в 1978–1979 гг. Долгое время этот курс лекций хранился только в виде записей на магнитофонных лентах, и только в 2000-е годы (после смерти Фуко) он был перепечатан в виде текста. Анализ сущности и генезиса этого несомненно инновационного понятия предполагает также привлечение работ исследователей и интерпретаторов творчества Фуко. Для погружения в суть данного понятия нами были использованы работы признанных специалистов в этой области М. Дина и Т. Лемке. Также необходимо отметить, что исследуемое понятие широко используется для социогуманитарного анализа достижений в сфере информационно-коммуникационных технологий, например, для интерпретации результатов работы с большими данными.

Слово *governmentality* объединяет два понятия: *govern* (англ. управлять) и *mentality* (англ. ментальность, мышление). По сути, данный термин является попыткой Фуко преодолеть односторонность более ранних попыток собственной интерпретации политической власти как дисциплинарной на основе анализа практик полицейских и медицинских учреждений [Фуко, 1999, с. 37]. Таким образом, управленческая ментальность предполагает не только осведомлен-

ность в области техник управления населением, но и необходимость их усовершенствования через осмысление и обращение к социогуманитарному знанию. «Концепция управленческой ментальности демонстрирует рабочую гипотезу Фуко по взаимному конструированию властных техник и форм знания. Семантическая связь управления и способов мышления (ментальности) указывает на то, что невозможно изучать технологии власти без анализа политической рациональности, лежащей в ее основе» [Lemke, 2001, p. 191].

Понятие управленческой ментальности, с точки зрения М. Дина, может быть интерпретировано как минимум двумя способами [Dean, 2010, p. 35–40].

С одной стороны, речь может идти об управлении с разными рациональностями, или ментальностями управления, — Фуко насчитывает три их разновидности (либерализм, авторитаризм, неолиберализм) и анализирует в данной серии лекций. «Рациональность в этом контексте означает способ рассуждения, способ мышления, вычисления и ответ на проблему, который более или менее систематический и должен опираться на формальное тело знания и опыта» [Dean, 2010, p. 35]. Необходимо отметить, что понятие ментальности управления несколько шире, чем понятие рациональности, так как в зависимости от типа власти и этапа развития общества оно может включать иррациональные элементы, к которым относится легитимация власти с опорой на воображение и мифологию, особенно в периоды кризисов, пандемий и войн.

С другой стороны, управленческая ментальность может рассматриваться как искусство управления. «Если управление включает разные формы мысли о природе правления и знания о том, кто и что должно управляться, и задействует специальные техники и тактики в достижении своих целей, если управление устанавливает определенные идентичности для управляемых и правителей и если оно включает более или менее утонченное направление поведения управляемых, это можно назвать искусством» [Dean, 2010, p. 38].

Управленческая ментальность также включает понятие управления, которое в трактовке Фуко означает управление поведением (*conduct of conduct*) [Foucault, 2009, p. 192]. В этом смысле оно может пониматься и как управление поведением другого, и как управление своим собственным поведением, что будет нами более подробно рассмотрено при анализе термина «биополитика», непосредственно связанного с понятием управленческой ментальности. «Управление — это более или менее вычисляемая и рациональная деятельность, предпринятая множеством властных органов и агентств, использующих разные техники и формы знаний с целью сформировать поведение, работая через желания, вдохновение, интересы и верования разных акторов для определенных целей с разным набором непредвиденных последствий, результатов и выходов» [Dean, 2010, p. 27–28].

НАУКА КАК ИНСТРУМЕНТ УПРАВЛЕНЧЕСКОЙ МЕНТАЛЬНОСТИ

По мнению М. Фуко, управленческая ментальность появляется в Западной Европе в конце XVIII — начале XX в. и обязана своим рождением возникновению политической экономии (позднее экономике) [Foucault, 2009, p. 98–110].

Необходимо отметить, что рассматриваемое нами понятие подразумевает определение отношения управления к другим формам власти, в особенности суверенитету и дисциплине.

В работах, предшествующих лекциям по управленческой ментальности, Фуко утверждает, что начиная с XVIII в. суверенитет трактуется как использование политической власти над территорией и ее населением. Суверенитет — это «дедуктивное управление», основанное на технологии вычитания, которая применяется ко всему населению, проживающему на территории государства [Foucault, 1997, p. 136]. Данный тип управления вычитает накопления и продукты труда, произведенные подданными и их объединениями, для поддержания государственного аппарата и охраны территории от внешнего вторжения.

Дисциплина также является характеристикой власти и берет свое начало в монашеских, полицейских и образовательных практиках, особенности которых Фуко прослеживает на примере исторического развития общества. По мнению исследователя, распространение в XVII и XVIII вв. дисциплинарной власти в медицинских, образовательных учреждениях, а также на фабриках и в армии связано с ростом административного аппарата государства.

При этом управленческая ментальность использует способы регулирования и рациональности, характерные для суверенитета и дисциплины, но в отличие от них объектом управления для нее выступает не территория или приказ, а силы и способности населения, которые становятся ресурсами государства, и, следовательно, их необходимо воспитывать, использовать и оптимизировать. Именно поэтому необходимо обращаться к системному, рациональному, или, другими словами, научному знанию, т. е. «биополитике». «Под этим термином я имел в виду попытки рационализации, начиная с XVIII в., проблем, ставившихся перед практикой управления феноменами, присущими единствам людей, или населения, — такими феноменами, как здоровье, гигиена, рождаемость, продолжительность жизни, расы» [Фуко, 2006, с. 151].

Биополитика направлена на оптимизацию жизненных процессов населения с целью увеличения его численности, повышения уровня материального благополучия общества с использованием научных достижений, особенно в сфере социогуманитарного знания [Lemke, 2002, p. 52]. Однако биополитика не является безобидной техникой современного управления обществом, поскольку предполагает его деление на два типа индивидуумов. С одной стороны, это самостоятельные и ответственные индивиды, которые своим трудом приносят благо обществу в целом и экономике в частности. С другой стороны, это люди, лишённые автономии в силу ряда причин, таких, как проблемы со здоровьем, психологические особенности характера, изъяны социализации. Для этих двух категорий населения у государственного аппарата и науки есть специализированные техники управления (инструменты биополитики), которые поощряют одних и наказывают других. Остановимся более подробно на особенностях биополитики, или, другими словами, использования науки применительно к разным типам управленческой ментальности, — таким, как либерализм, авторитаризм и неолиберализм.

Теоретическое построение экономики в рамках классической политэкономии имеет особое значение для утверждения либерализма как формы управления

посредством экономики. Либеральное искусство управления предполагает перестройку институтов государства и общества в соответствии с требованиями политэкономии. «Здесь понятие экономики влечет за собой фундаментальную биоэкономическую реальность, движимую естественным дисбалансом между средствами существования и численностью населения, обнаруженную Мальтусом, которая стимулирует возделывание все менее плодородных земель» [Dean, 2010, p. 145].

При этом биополитика, т. е. политика, основанная на научных знаниях нюансов «политического тела», является необходимым условием либеральной управленческой ментальности. Либерализм представляет собой критику чрезмерной дисциплинарной власти во имя прав и свобод личности, где закон является не инструментом суверенитета, а компонентом либеральной технологии управления.

Обеспечение безопасности государства является одной из целей либерализма, и именно с этой точки зрения И. Бентам (J. Bentham) предлагает оказывать социальную поддержку бедным, представляющим угрозу внутренней безопасности. Однако эту поддержку нужно оказывать так, чтобы средства к существованию, заработанные самостоятельно, являлись более привлекательными, чем материальные пособия [Bentham, 1950, p. 76]. Содействие функционированию свободного рынка заключалось не столько в отказе от государственного вмешательства, сколько в создании механизмов безопасности функционирования экономических и социальных процессов [Foucault, 2009, p. 353].

Либерализм также затрагивает вопросы социального управления при помощи социогуманитарного знания. Именно сфера «социального» и способы ее регулирования демонстрируют «нелиберальность» классического либерализма. Такие мыслители, как Д. С. Милль (J. S. Mill), И. Бентам, Ч. Бут (Ch. Booth), Ф. Гальтон (F. Galton), У. Беверидж (W. Beveridge), разрабатывали идеи превосходства одних групп населения над другими и предлагали вводить ограничительные меры по отношению к нищим и другим незрелым асоциальным индивидам.

Нелиберальные формы управленческой ментальности в виде фашизма, тоталитаризма и авторитаризма, возникшие в XX в., опирались в том числе и на научные разработки данных социальных мыслителей. Однако теперь утверждалось не только превосходство одних социальных групп над другими, но и превосходство отдельных наций и рас. «Биополитика населения и расы, на языке сторонников империализма, в фабианском социализме и евгенике, связывает внутренние вопросы, касающиеся качества национального населения, с вопросами его пригодности по отношению к другим национальным группам» [Dean, 2010, p. 172–173]. Идея превосходства одних классов над другими, одних наций над другими, обоснованная социальными учеными, нашла свою реализацию в XX в. и поставила под угрозу уничтожения не только отдельные классы, но и целые народы. Биополитика теперь стала не только способом управления жизненными процессами, но и получила возможность определять право на смерть. На уровне индивида наиболее темной стороной биополитики является использование пыток с привлечением научного знания нюансов человеческого

тела. «Пытки, подобные тем, которые практиковались в Иране в XX в., используют медицинские и психологические методы и дисциплины, включая лечение электрошоком, чтобы открыть частные интересы тел для общественного контроля» [Rejali, 1994, p. 63].

Переход к неолиберальной форме управленческой ментальности в развитых демократиях начинается в 1960–1970-е годы через утверждение государств всеобщего благосостояния, управление которыми осуществлялось кейнсианскими методами. Чрезмерное давление социальных программ на бюджет привело к отходу от данной формы управления к неолиберализму с минимизацией государственного участия в жизни граждан и перекладыванием ответственности за свое благополучие и индивидуальные риски на отдельного субъекта. «Неолиберальные формы управления характеризуются не только прямым вмешательством со стороны специализированных и уполномоченных государственных аппаратов, но и характерным развитием косвенных методов руководства и контроля над людьми без одновременной ответственности за них» [Lemke, 2002, p. 59]. На этом этапе биополитика сфокусирована на научных разработках в области психологии и социологии в области стимулирования управления своей самостью со стороны объекта управления в интересах государства.

ПЛАТФОРМЕННОЕ ВЗАИМОДЕЙСТВИЕ КАК ОСНОВА ЦИФРОВОЙ УПРАВЛЕНЧЕСКОЙ МЕНТАЛЬНОСТИ

Для анализа и интерпретации особенностей платформенного взаимодействия, характерного для современного этапа развития общества и государственного управления, мы привлекаем концепцию управленческой ментальности, предложенную М. Фуко. Данная концепция может выступать в качестве методологического инструмента [Zanotti, 2013, p. 288–304] и позволяет дать оценку характеру платформенного взаимодействия с учетом особенностей алгоритмов и стратегий, заложенных в определенную цифровую платформу. Используя данную концепцию, можно оценить, применяются ли достижения в области биополитики в алгоритмах цифровых платформ, или население и государственные органы взаимодействуют на равных при решении политических и социальных вопросов. Возможность использования концепции М. Фуко в отношении цифровизации политической сферы позволяет нам говорить о ее модификации в концепцию «цифровой управленческой ментальности».

Массовое внедрение интернет-порталов и платформ началось на Западе в 2000-е годы. В России оно проходило в два этапа: в рамках федеральной целевой программы «Электронная Россия» (2002–2010) и государственной программы «Информационное общество» (2011–2020) [Smorgunov, 2016, p. 213]. Цифровые (интернет-) платформы представляют собой «сложные электронные инструменты, обеспечивающие не только оказание услуг, но и участие граждан в выборе государственных услуг и влияющие на процесс принятия решения» [Smorgunov, 2020, p. 220]. Доступ к цифровым платформам возможен как через интернет, так и с мобильного устройства. «Граждане, организации и государственные служащие соответствуют реальным пользователям платформы,

получая электронный доступ к защищенным сервисам, используя надежные криптографические данные [Karantjias, Polemi, 2009, p. 342].

Основными требованиями, предъявляемыми к цифровым платформам, являются совместимость сервисов и устройств, безопасность и доверие, масштабируемость и расширяемость, а также удобство для пользователя и доступность. Примерная архитектура цифровой платформы включает в себя несколько уровней: уровень клиента, уровень взаимодействия клиента с государственными органами посредством платформы, уровень основного предприятия, уровень вторичного предприятия и интеграционный уровень.

Уровень клиента объединяет все необходимые компоненты для доступа ко всем объектам инфраструктуры и государственным услугам. Уровень взаимодействия включает все необходимые интерфейсы для установления каналов связи с каждым объектом вне платформы. Уровень основного предприятия содержит основные компоненты платформы и интегрирует базовые, но синхронные сервисы. Уровень вторичного предприятия управляет сервисами базовой платформы, реализуя их бизнес-логику. Уровень интеграции включает в себя все необходимые компоненты адаптации, которые находятся внутри существующих систем в государственных органах.

Наступление цифровой эпохи меняет характер объекта управления. Из рационального он превращается в движимого импульсами и желаниями. «В то время как либеральная и неолиберальная управленческая ментальность предполагали рационального субъекта, цифровое правительство фокусируется на управлении импульсами и желаниями, создавая, таким образом, цифрового субъекта в противовес либеральному и неолиберальному homo oeconomicus» [Barry, 2020, p. 12].

В цифровом обществе дисциплинарная власть не исчезла из поля политического дискурса. Наоборот, в силу развития информационно-коммуникационных технологий ее возможности стали безграничными. Surveillance (наблюдение) за гражданами теперь ведется не на основании статистических данных о них, что было характерно для предыдущих типов управленческих ментальностей, контроль становится возможным посредством отслеживания электронных следов, больших данных, которые формируют уникальную картину личности каждого пользователя и делают его более управляемым. «Индексы, основанные на больших данных, имеют свои собственные характеристики, по сравнению, например, с дедуктивной статистикой, которая давно определяет международные проекты развития» [Flyverbom et al., 2017, p. 35]. Таким образом, в управлении населением с использованием цифровых платформ доминирующее положение занимает прогностическая аналитика с использованием больших данных.

В своих лекциях «Безопасность, теория, население и рождение биополитики» (1978–1979) Фуко приходит к важному выводу о том, что в экономике возможен поведенческий поворот, в результате которого принятие решений будет происходить в результате игры стимулов, которая будет вызывать ответные действия актора, не всегда рационального характера. Контроль аффектов, их вычисление и прогнозирование действительно стали важной задачей для

современных разработок в области искусственного интеллекта. Некоторые исследователи [Whitson, 2015; Schuilenburg, Peeters, 2017] полагают, что в цифровом пространстве активность населения стимулируется элементами геймификации, а соблюдение нормы подкрепляется не наказанием, а удовольствием, что отличается от первоначальной концепции дисциплинарной власти и управленческой ментальности М. Фуко.

Элементы геймификации с присвоением соответствующих баллов и статусов участников, а также возможностью получения за созидательную деятельность ценных призов и подарков опробована и заложена в цифровой платформе по решению городских проблем «Активный гражданин» г. Москва [Сморгунов, 2018, с. 92]. Но является ли стратегия геймификации манипулятивной, или это все-таки способ стимулирования гражданской активности, при которой население свободно в выборе своих действий? Мы предлагаем ответить на этот вопрос, обратившись к анализу алгоритмов, заложенных в портале городских проблем «Наш Петербург»¹.

Процесс подачи заявления о городской проблеме и ее решение уполномоченными органами проходит девять этапов в следующем порядке: 1) идентификация заявителя; 2) подача заявителем сообщения с геопривязкой; 3) валидация заявителя; 4) модерация и маршрутизация заявления; 5) рассмотрение заявления; 6) проверка предварительного ответа; 7) направление результата заявителю; 8) оценка заявителем результата и закрытие проблемы; 9) внутренняя оценка качества. Пример алгоритмизации работы данной платформы указывает на ее нейтральный и демократический характер при подаче заявления гражданином и его рассмотрении.

Возможно, что порталы и платформы решения городских проблем построены более или менее нейтральным образом, хотя существуют и платформы, которые выполняют задачи подталкивания населения к определенным действиям и отслеживания его реакций. В качестве примера первого типа платформ можно упомянуть организацию цифровых платформ социального кредитования в Китае. Они собирают данные о заемщике и его кредитоспособности, а затем, используя наджинг (подталкивание), при помощи балльно-рейтинговой системы формируют поведение клиента [Capotti, Liu, 2020]. Примером второго типа платформ являются геолокационные платформы, которые с использованием элементов маркетинговых программ руководят потоками населения в городском пространстве [Barreneche, 2012, p. 332–340].

Необходимо отметить, что пользователи цифровых платформ как объект управления не являются пассивными «жертвами» нового типа власти. Они применяют свои собственные стратегии, которые позволяют им противостоять влиянию системы или выглядеть в ее глазах наилучшим образом. Например, они используют стратегию гейминга. «При гейминге социальный актер играет в рамках предполагаемого поля, но не по установленным правилам. Это своего рода “косвенное соответствие требованиям”, которое затрагивает не только систему, но также коллег и учреждения, и ведет к снижению доверия» [Souto-

¹ Список алгоритмов любезно предоставлен компанией-разработчиком данного портала.

Otero, 2016, p.27]. У индивидов также появляется возможность наблюдения (sousveillance) за деятельностью органов государственной власти при помощи порталов открытых данных и общей информации, опубликованной на платформах государственных услуг и городских проблем.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Цифровизация социально-политического пространства стала основным трендом в обществе первой четверти XXI в. Постепенный переход от сайтов государственных органов с односторонней коммуникацией к цифровым порталам и платформам расширил возможности участия граждан в решении проблем городского и регионального уровня, позволяя им не только подавать жалобы и петиции, но и выступать с инициативами и проектами по совершенствованию среды обитания. Управленческая ментальность, понимаемая в соответствии с одной из формулировок как искусство управления, сосредоточилась в цифровой сфере. Теперь знания социально-гуманитарных наук (политологии, социологии, психологии, менеджмента) стали использоваться при программировании логики коммуникации на цифровых платформах. Здесь речь идет о способах как привлечения населения к участию на городских коммуникационных платформах посредством наджинга и геймификации, так и формирования их линии поведения, которая в основном выражается в информационном типе дискурса.

Однако не во всех случаях можно говорить о манипулятивной природе цифровой управленческой ментальности, тем более что, по мнению некоторых западных ученых, современный тип управленческой ментальности противоречит предыдущему. Если неолиберальная рациональность способствовала состоятельности, конкуренции и рынку, то цифровая управленческая ментальность способствует участию граждан, плюрализму и сотрудничеству [Larsson, 2020, p. 111–126]. В случае с городскими платформами мы сталкиваемся с примером партисипаторного управления, когда горожане могут свободно заявлять о насущных проблемах своего населенного пункта и участвовать в их решении. Решение задач государственного уровня и функционирование коммерческих платформ уже не свободны от манипулятивных стратегий и дисциплинарного аспекта власти.

Литература

- Сморгунов Л. В.* Блокчейн как институт процедурной справедливости // Полис. Политические исследования. 2018. № 5. С. 88–99. <https://doi.org/10.17976/jpps/2018.05.08>
- Фуко М.* Рождение биополитики // Фуко М. Интеллектуалы и власть: избранные политические статьи, выступления и интервью. Ч. 3. Статьи и интервью, 1970–1984. М.: Практикс, 2006. С. 151–161.
- Фуко М.* Надзирать и наказывать: рождение тюрьмы. М.: Ad Marginem, 1999. 480 с.
- Barreneche C.* Governing the geocoded world: Environmentality and the politics of location platform // The International Journal of Research into New Media Technologies. 2012. Vol. 18, No 3. P. 331–351. <https://doi.org/10.1177/1354856512442764>

Barry L. The rationality of the digital governmentality // Journal for Cultural Research. 2020. P. 11–16. <https://doi.org/10.1080/14797585.2020.1714878>.

Bentham J. The Theory of Legislation. London: Routledge & Kegan Paul, 1950. 422 p.

Capotti F., Liu D. Emerging platform urbanism in China: Reconfiguration of data, citizenship and materialities // Technological Forecasting & Social Change. 2020. Vol. 151. <https://doi.org/10.1016/j.techfore.2019.06.016>

Dean M. Governmentality: Power and Rule in Modern Society. 2nd ed. London: SAGE Publication Inc., 2010. 304 p.

Flyverbom M., Madsen A. K., Rasche A. Big Data as governmentality in international development: digital traces, algorithms and altered visibilities // The Information Societies. 2017. Vol. 33, No 1. P. 35–42. <https://doi.org/10.1080/01972243.2016.1248611>

Foucault M. Security, Territory, Population. Lectures at the College de France, 1977–78. London: Palgrave Macmillan, 2009. 417 p.

Foucault M. The Essential Works 1954–1984. Vol. 1: Ethics, Subjectivity and Truth. New York: The New Press, 1997. 486 p.

Karantjias A., Polemi N. An innovative platform architecture for complex secure e/m-governmental services // International Journal Electronic Security and Digital Forensics. 2009. Vol. 2, No 4. P. 338–354.

Larsson O. The governmentality of network governance: Collaboration as a new facet of the liberal art of governing // Constellation: an International Journal of Critical & Democracy Theory. 2020. Vol. 27, No 1. P. 111–126. <https://doi.org/10.1111/1467-8675.12447>

Lemke T. Foucault, Governmentality, and Critique. Rethinking Marxism // A Journal of Economics, Culture & Society. 2002. Vol. 14, No 3. P. 49–64. <https://doi.org/10.1080/089356902101242288>

Lemke T. 'The birth of bio-politics': Michel Foucault's lecture at the College de France on neo-liberal governmentality // Economy and Society. 2001. Vol. 30, No 2. P. 190–207. <https://doi.org/10.1080/03085140120042271>

Rejali D. Torture and Modernity: Self, Society and State in Modern Iran. Boulder, Co: Westview Press, 1994. 176 p.

Schuilenburg M., Peeters R. Gift politics: Exposure and surveillance in the Anthropocene // Crime, Law and Social Change. 2017. Vol. 68, No 5. P. 563–578.

Smorgunov L. Digital platforms, affordance, and public governability // International Conferences ICT, Society, and Human Beings 2020; Connected Smart Cities 2020; and Web Based Communities and Social Media 2020. P. 219–224.

Smorgunov L. Russian movement for 'open government': issues of civic engagement in politics // International Journal of Electronic Governance. 2016. Vol. 8, No 3. P. 211–228. <https://doi.org/10.1504/IJEG.2016.081387>

Souto-Otero M., Beneito-Montagut R. From governing through data to governmentality through data: Artefacts, strategies and the digital turn // European Educational Research Journal. 2016. Vol. 15, No 1. P. 14–33. <https://doi.org/10.1177/1474904115617768>

Whitson J. Foucault's fitbit: Governance and gamification // Deterding S., Walz P. (eds.). The Gameful World. Boston: MIT Press, 2015. P. 339–358.

Zanotti L. Governmentality, Ontology, Methodology: Re-thinking Political Agency in the Global World // Alternatives: Global, Local, Political. 2013. Vol. 38, No 4. P. 288–304. <https://doi.org/10.2307/24569418>

Игнатъева Ольга Анатольевна — канд. социол. наук; o.a.ignatyeva@spbu.ru

Статья поступила в редакцию: 13 сентября 2020 г.;

рекомендована в печать: 16 октября 2020 г.

Для цитирования: Игнатъева О. А. Цифровая управленческая ментальность: партисипаторное управление vs. биополитика // Политическая экспертиза: ПОЛИТЭКС. 2020. Т. 16, № 4. С. 462–473. <https://doi.org/10.21638/spbu23.2020.403>

**A DIGITAL GOVERNMENTALITY:
PARTICIPATORY GOVERNANCE vs. BIOPOLITICS***

Olga A. Ignatjeva

St. Petersburg State University,

7–9, Universitetskaya nab., St. Petersburg, 199034, Russian Federation; o.a.ignatjeva@spbu.ru

The notion of governmentality was first used by the French postmodern philosopher Michel Foucault during his lectures at the College de France in 1978-1979. The term is one of the characteristics of political power, along with sovereignty and discipline, but it characterizes its later stages of evolution. Foucault and his commentators give multiple meanings to this term, but perhaps the most accurate ones are the definition of governmentality as a way of rational thinking about the realization of political power and governmentality as the art of government. The emergence of governmentality is associated with the emergence of political economy and implies the use of biopolitical techniques, a concept that Foucault introduces to emphasize the need for socio-humanitarian knowledge in disciplining the “political body”. Evolution and peculiarities of biopolitics are discussed in detail in this article in relation to each type of governmentality. This article examines three types of governmentality (liberalism, authoritarianism, neoliberalism) introduced by the French thinker and proposes considering a new type of governmentality that characterizes the modern stage of society’s development. Here we use a governmentality concept as a methodological instrument for analysis of a new type of governance. The author notes that digital governmentality is characterized by governance using digital platforms. The article provides a detailed description of the architecture of one such platforms, as well as a set of algorithms that will mediate the interaction between the population and government representatives. The purpose of this article is to identify the essence of digital governmentality and its nature. Is the emerging form of public governance through digital platforms, as a consequence of its digitalization, democratic and participatory, or is it still a more sophisticated way of governing the population using manipulative, biopolitical strategies? An attempt to answer this question is made in the article by considering both the evolution of the term governmentality itself and the technological features of digital platforms with their interpretation based on Michel Foucault’s concept.

Keywords: Foucault, governmentality, biopolitics, rationality, digital platform.

References

Barreneche, C. Governing the geocoded world: Environmentality and the politics of location platform. *The International Journal of Research into New Media Technologies*, 2012, vol. 18, no 3, pp. 331–351. <https://doi.org/10.1177/1354856512442764>

Barry L. The rationality of the digital governmentality. *Journal for Cultural Research*, 2020, pp. 11–16. <https://doi.org/10.1080/14797585.2020.1714878>.

Bentham J. *The Theory of Legislation*. London, Routledge & Kegan Paul, 1950. 422 p.

Capotti F., Liu D. Emerging platform urbanism in China: Reconfiguration of data, citizenship and materialities. *Technological Forecasting & Social Change*, 2020, vol. 151. <https://doi.org/10.1016/j.techfore.2019.06.016>

Dean M. *Governmentality: Power and Rule in Modern Society*. Second Edition. London, SAGE Publication Inc., 2010. 304 p.

Flyverbom M., Madsen A. K., Rasche A. Big Data as governmentality in international development: digital traces, algorithms and altered visibilities. *The Information Societies*, 2017, vol. 33, no 1, pp. 35–42. <https://doi.org/10.1080/01972243.2016.1248611>

* The work was supported financially by the Russian Foundation for Basic Research and ANO EISI, grant no. 20-011-31361 “Outsourcing Political Judgments: Critical Analysis of the Information Paradigm of Public Network Communication”.

Foucault M. *Security, Territory, Population. Michel Foucault, Lectures at the College de France.* London, Palgrave Macmillan, 2009. 417 p.

Foucault M. The birth of biopolitics. Foucault M. *Dits et écrits. Frticles politiques. Conférences. Interviews. 1970–1984. Pt. 3.* Rus. Ed. Moscow, Praksis Publ., 2006, pp. 151–161. (In Russian)

Foucault M. *Supervise and punish: the birth of a prison.* Rus. Ed. Moscow, Ad Marginem Publ., 1999. 480 p. (In Russian)

Foucault M. *The Essential Works 1954–1984. Vol. 1: Ethics, Subjectivity and Truth.* New York: The New Press, 1997. 486 p.

Karantjias A., Polemi N. An innovative platform architecture for complex secure e/m-governmental services. *International Journal Electronic Security and Digital Forensics*, 2009, vol. 2, no 4, pp. 338–354.

Larsson O. The governmentality of network governance: Collaboration as a new facet of the liberal art of governing. *Constellation: an International Journal of Critical & Democracy Theory*, 2020, vol. 27, no 1, pp. 111–126. <https://doi.org/10.1111/1467-8675.12447>

Lemke T. Foucault, Governmentality, and Critique. *Rethinking Marxism: A Journal of Economics, Culture & Society*, 2002, vol. 14, no 3, pp. 49–64. <https://doi.org/10.1080/089356902101242288>

Lemke T. 'The birth of bio-politics': Michel Foucault's lecture at the College de France on neo-liberal governmentality. *Economy and Society*, 2001, vol. 30, no 2, pp. 190–207. <https://doi.org/10.1080/03085140120042271>

Rejali D. *Torture and Modernity: Self, Society and State in Modern Iran.* Boulder, Co, Westview Press, 1994. 176 p.

Schuilenburg M., Peeters R. Gift politics: Exposure and surveillance in the Anthropocene. *Crime, Law and Social Change*, 2017, vol. 68, no 5, pp. 563–578.

Smorgunov L. Russian movement for 'open government': issues of civic engagement in politics. *International Journal of Electronic Governance*, 2016, vol. 8, no 3, pp. 211–228. <https://doi.org/10.1504/IJEG.2016.081387>

Smorgunov L. Blockchain as an institution of procedural justice. *Polis. Politicheskie issledovanija*, 2018, no 5, pp. 88–99. <https://doi.org/10.17976/jpps/2018.05.08>. (In Russian)

Smorgunov L. Digital platforms, affordance, and public governability. *International Conferences ICT, Society, and Human Beings 2020; Connected Smart Cities 2020; and Web Based Communities and Social Media 2020*, pp. 219–224.

Souto-Otero M., Beneito-Montagut R. From governing through data to governmentality through data: Artefacts, strategies and the digital turn. *European Educational Research Journal*, 2016, vol. 15, no 1, pp. 14–33. <https://doi.org/10.1177/1474904115617768>

Whitson J. Foucault's fitbit: Governance and gamification. Deterding S., Walz P. (eds.). *The Gameful World.* Boston, MIT Press, 2015, pp. 339–358.

Zanotti L. Governmentality, Ontology, Methodology: Re-thinking Political Agency in the Global World. *Alternatives: Global, Local, Political*, 2013, vol. 38, no 4, pp. 288–304. <https://doi.org/10.2307/24569418>

Received: September 13, 2020

Accepted: October 16, 2020

For citation: Ignatjeva O.A. Digital governmentality: Participatory governance vs. biopolitics. *Political Expertise: POLITEX*, 2020, vol. 16, no. 4, pp. 462–473. <https://doi.org/10.21638/spbu23.2020.403> (In Russian)